

ВЛАДИМИР ЕВТУХ,

доктор исторических наук, член-корреспондент НАН Украины, директор Института социологии, психологии и социальных коммуникаций Национального педагогического университета имени М.П.Драгоманова, заведующий кафедрой социологии

Полиэтничность как конструкт *modus vivendi*

Аннотация

*Статья посвящена анализу разных аспектов феномена полиэтничности, в частности источников его формирования, его распространенности в современном мире, его этнокультурных маркеров, его динамики на национальном, региональном и локальном уровнях. Воспроизводятся особенности функционирования полиэтничности под влиянием объективных и субъективных факторов, таких как характер расселения этнофоров, специфика атмосферы межэтнического взаимодействия, политика государств в отношении компонентов, формирующих полиэтничность (аллохтонное население, этнические сообщества, иммигранты). Рассмотрена также разновекторность влияний на общественное развитие полиэтнических стран и межэтнические отношения. Обосновывается характеристика полиэтничности как “*modus vivendi*”-конструкта.*

Ключевые слова: *этничность, межэтническое взаимодействие, полиэтничность, транснациональное пространство, “modus vivendi”-конструкт*

Предварительные замечания

С течением времени, когда накапливается определенный ресурс знаний в выбранной сфере научных исследований (таковой для меня стал феномен этничности), постоянно всплывает ряд идей, которые хотелось бы воплотить в структурированных изложениях. Поскольку время для их реализации неограничено и с годами сокращается, то, естественно, возрастают критерии отбора публикации идей, замыслов. Уже несколько лет подряд появлению моих публикаций предшествует мотивированный выбор. Он формируется в результате дискуссий с отечественными и зарубежными

коллегами на конференциях, симпозиумах, в процессе изучения научных наработок исследователей и социальных практик. Мотив к написанию этой работы неординарен: приглашение подготовить довольно объемную статью “Полиэтничность” для пятитомного энциклопедического издания “The Blackwell Encyclopedia of Race, Ethnicity and Nationalism”¹, которое должно увидеть свет в 2014 году в Великобритании. Среди редакторов энциклопедии — знаменитый исследователь проблем этничности и национализма профессор известной своими научными достижениями Лондонской школы экономики Энтони Смит [Евтух, 2011: с. 155–156], собственно, едва ли не самый убедительный авторитет в очерченной области знаний. Приглашение и оценка моих возможностей в этом контексте² — чрезвычайно весомый аргумент, чтобы со всей серьезностью взяться за реализацию этого мини-проекта. После того как текст статьи (на английском языке) был прислан в редакцию, скупое изложенные мысли (этого требует формат энциклопедических изданий) в отношении сложного и невероятно интересного феномена побудили меня к более широкой научной дискуссии, в которой я буду стремиться высказать свое видение проблемы, ознакомить с наиболее убедительными аргументами моих коллег (преимущественно зарубежных, поскольку в украинской социогуманитаристике таковых пока недостаточно), и, по возможности, предложу перспективы развития исследований в этом направлении. Считаю, что мой научный опыт³ позволяет мне ставить вопросы именно так и в очередной раз обратить внимание на теоретическую и практическую актуальность этнической тематики.

Еще одним крайне важным моментом является необходимость подчеркнуть то обстоятельство, что несмотря на распространенность феномена полиэтничности и немалую научную заинтересованность проблемами этничности

1 “The Blackwell Encyclopedia of Race, Ethnicity and Nationalism” является фундаментальным проектом в очерченной проблематике, продуктом сотрудничества ученых из разных областей знаний и разных стран мира. Она, по замыслу издателей, “станет объемным и глобальным издательским событием и призвана сыграть весомую роль в определении содержания расы, этничности и национализма в глобальном контексте”. Издатель-редакторы этой энциклопедии известные специалисты: Ратледж Деннис (Университет Джорджа Мейсона, США), Джон Стоун (Бостонский университет, США), Полли Ризова (Университет Уиллметте, США), Энтони Смит (Лондонская школа экономики, Великобритания), Ксяошу Ху (Университет св. Лаврентия, США).

2 Из приглашения принять участие в проекте: “Я обращаюсь к Вам, поскольку, учитывая Вашу репутацию и экспертный опыт, издательская команда будет рада, если Вы напишете статью [полиэтничность]” (*John Stone Encyclopedia of Race Ethnicity and Nationalism, 25-Jan-2014*). Из выводов редакционной коллегии: “С радостью принимаем Вашу рукопись под заголовком “Полиэтничность” для публикации в “The Blackwell Encyclopedia of Race, Ethnicity and Nationalism”. От лица издателей “The Blackwell Encyclopedia of Race, Ethnicity and Nationalism”: “...очень признательны за Вашу прекрасную работу” (*John Stone, Associate Editor, The Blackwell Encyclopedia of Race Ethnicity and Nationalism, 06-June-2014*).

3 См.: Володимир Євтух в інформаційно-комунікативному просторі: наукові та політико-громадські активності = Volodymyr Yevtukh in Informative and Communicative Space: Scientific, Political and Civic Activities / укл.: Людмила Савенкова, Володимир Крячко. — Київ: Фенікс, 2012. — 248 с.; Google Scholar Citations // http://scholar.google.com/citations?view_op=new_profile&hl=ru; Slideshare // http://www.slideshare.net/yevtukh/edit_my_uploads.

со стороны западных специалистов, на данный момент, по моим наблюдениям, перечень трудов, посвященных непосредственно конструкту “полиэтничность”, не очень впечатляет и не согласуется со смысловой и научно-исследовательской нагрузкой этого конструкта. Очевидно, что процесс аккумуляции знаний о явлении полиэтничности, начавшийся в середине 1980-х годов, еще не набрал адекватных оборотов, и список литературы, где уже в заголовке встречается термин “полиэтничность” (делаю акцент на этом моменте, полагая, что именно титул статьи или любого другого научного изыскания фокусирует внимание на предмете анализа), пока ограничен (значительная часть такой литературы воспроизведена в цитированиях и ссылках на эти статьи). Однако в последнее время феномен полиэтничности активно дискутируется в контексте более общего явления — этничности; о чем свидетельствуют работы как зарубежных, так и отечественных исследователей.

Состояние исследований проблемы¹

В этом контексте считаю необходимым обратить внимание на два обстоятельства, которые, на мой взгляд, очень важны в оценке наработок и возможных перспектив исследования феномена: 1) несмотря на распространенность полиэтничности и ее значимость в общественном развитии многих стран, феномен не стал предметом интенсивного изучения как отдельный целостный фактор; 2) исследование полиэтничности — сложного социального феномена — требует концентрации и кооперации усилий представителей разных социогуманитарных наук, чтобы понять его сущность и, главное, его влияние на динамику общественных процессов и на личностные представления в контексте чрезвычайной этнокультурной пестроты окружающего мира в его глобальном, национальном, региональном и локальном измерениях, на трансформацию их в сторону адекватного восприятия “инаковости” и формирования соответствующих поведенческих образцов.

Научно-исследовательский дискурс, в центр внимания которого переместился феномен полиэтничности, был инициирован тремя лекциями канадского историка профессора Уильяма МакНейла, которые он в 1985 году прочитал в Торонтском университете. Профессор утверждал, что: 1) формирование населения стран из разных этнических групп становится нормой; 2) полиэтничность как заметный феномен социальной истории приобретает вес после Первой мировой войны; 3) иммиграция является наиболее мощным источником полиэтничности [McNeill, 1985].

Современный научный дискурс охватывает действительно широкое поле проблем, непосредственно или опосредствованно касающихся явления полиэтничности, и в него вовлекаются исследователи разных стран. Этот

¹ Англоязычные ученые сформировали понятие “*current state of the art*”, которое нельзя адекватно воспроизвести на русском языке, поскольку при его дословном переводе теряешь не только канву, в которую вплетается феномен, но и нюансы его осмысления исследователями. В моем понимании “*current state of the art*” — это стремление сфокусировать внимание на необходимости динамичного исследования явления, не только фиксируя то, что сделано, но и, в большей мере, структурируя исследовательское поле проблемы, акцентируя внимание на ключевых вопросах и определяя исследовательские перспективы. Показательна в этом плане статья: *Zsuzsanna A. Ethnicity in Interaction: The State-of-the-Art // Acta Universitatis Sapientiae, Philologica. — 2009. — Vol. 1. — № 2. — P. 212–228.*

процесс можно разделить на две разновидности активностей: организационно-структурные и исследовательские. В первом случае речь идет об учреждении и деятельности центров, проведении научных конференций, семинаров, симпозиумов, дискуссий, организации публикации результатов исследований (в журналах, издательствах и т.п.); во втором — о разработке конкретных тем и публикации результатов исследований.

Мобилизаторами этого дискурса являются несколько активных исследователей из европейских и североамериканских стран, результаты научных поисков которых, собственно, и очертили проблемное поле феномена этничности и наполняют содержанием отдельные участки этого поля. Среди основных тем современного дискурса по полиэтнической проблематике, по моему мнению, нужно выделить следующие: *корни, история и источники полиэтничности* (Роджер Баллад, Великобритания; Петер Банг, Дания; Сиан Джонз, Великобритания; Рууд Коопманс, Германия); *полиэтничность как фактор социального развития стран с разнообразным этническим составом населения* (Уилл Кимличка, Канада; Нуртай Мустафаев, Россия); *полиэтничность и межкультурный диалог, межкультурная коммуникация* (Мирча Бри, Румыния; Леон Дичевски, Польша; Владимир Евтух, Украина); *менеджмент культурного плюрализма* (Янина Дейцил, Швеция; Чарльз Уэстин, Швеция); *мультилингвизм в мультикультурном контексте* (Гуус Экстра, Нидерланды; Януш Корек, Польша); *риски и вызовы полиэтничности* (Корнель Дю Туа, Южная Африка; Кристин Эк, Швеция; Эндрю Якубович, Австралия; Равви Канбур, Фред Риггс, США); *правовые аспекты функционирования полиэтничности и вопросы государственного управления* (Владимир Коваль, Украина; Люк МакНамара, Австралия; Фазал Ривзи, США; Жан-Жак Шалифо, Канада); *региональные измерения полиэтничности* (Джон Ли, Япония; Ласло Шарка, Венгрия; Алла Сальникова, Россия; Валерий Тишков, Россия).

На мой взгляд, подавляющее большинство перечисленных проблем в настоящий момент лишь очерчены и ждут новой когорты исследователей, в частности тех, кто окажется в состоянии на основе новых технологий и новейшего инструментария глубже проникать в сущность феноменов. Безусловно, здесь приоритет за междисциплинарными подходами и исследованиями функционирования полиэтничности в конкретных социальных условиях, а также лабильности этнических маркеров и способности адаптации носителей той или иной этничности к динамике происходящих в обществе социальных изменений. Главными темами здесь окажутся выяснение силы влияния разного рода факторов на характер проявления составляющих полиэтничности и вопросы моделирования, конструирования именно этого *modus vivendi* (с учетом того факта, что полиэтничность может оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на процессы общественного развития).

Методология исследования

По моему мнению, в нашем контексте (полиэтничность как конструкт *modus vivendi*) релевантным будет рассмотрение с трех исследовательских перспектив: культурническая перспектива, социоэкономическая перспектива и базовые принципы теории кросс-культурной адаптации, разработанной профессором Янг Юн Ким на основе теории ассимиляции Роберта Парка, касающейся иммигрантов. Речь идет о том, что названные перспективы

позволяют охватить разные аспекты конструкта и определиться с влиянием культурных, социальных, экономических и психологических факторов на формирование как предпосылок, так и текущих ситуаций в сосуществовании носителей разных этничностей в пределах одного этнополитического (государство) либо этносоциального (общество) организма на национальном, региональном и локальном уровнях. Собственно, здесь уже можно говорить о взаимодействии культурного, социального и экономического капиталов [Bourdieu, 1986], которое формируют все акторы полиэтничности – аборигенное и местное (автохтонное) население, иммигранты нескольких поколений (аллохтонное население). И здесь мы имеем дело со взаимодействием не столько самих представителей разных этнических сообществ, сколько разных форм сформированных ими капиталов.

В такой ситуации междисциплинарный подход в исследовании феномена представляется наиболее продуктивным. Для определения стартовых позиций и перспектив формирования соответствующих условий для *modus vivendi* прежде всего следует воспользоваться тестовой шкалой социальной дистанции американского социолога Эмори Богардуса и методом сравнительного социального исследования, предложенным английским социальным статистиком Роджером Джовеллом и, как оказалось, эффективным в рамках общеевропейского мониторингового проекта “Европейское социальное исследование” и успешно адаптированным украинскими социологами Евгением Головахой и Андреем Горбачиком для проведения опросов населения в Украине [Головаха, 2012].

Воссоздать функционирование полиэтничности как конструкта *modus vivendi* можно при умелом комбинировании знаний и методов, которыми пользуются разные социальные науки. *Археология этничности* обеспечивает исследователя совокупностью наиболее стабильных этнических маркеров групп и индивидуумов, что помогает проводить различия между приобретенными (сконструированными, направленными на достижение цели) и естественными (унаследованными, переданными от поколения к поколению) маркерами. *Этническая экономика* становится полезной в попытке раскрытия *интермедиатора (middle man)* в процессе коммуникаций и созидании социального капитала для себя самого, своей этнической группы, страны поселения, страны происхождения. *Демография и статистика* (переписи, опросы) дают возможность проследить траекторию этнической динамики и ее влияния на интенсивность изменений во взаимодействии представителей разных этнических сообществ. *Культурологические исследования (cultural studies)* открывают двери к пониманию культурного разнообразия в конструировании этнической идентичности, являющейся стержневым фактором функционирования, воспроизводства и культурной мобильности этнического сообщества, что влияет на перспективы полиэтничности. *Логистика* может стать эффективным инструментом в выборе оптимальной модели конструирования и организации социокультурного пространства (город, локальная местность, регион) межкультурной коммуникации и межкультурного диалога. Будет применяться и новейшая “*теория транснационального пространства и экстраитерриториальности*”, поскольку в последнее время акторы полиэтничности все чаще (благодаря новым информационным технологиям) формируют и организуют свою деятельность (особенно по сохранению своей этнической идентичности) не только в рамках персонального (физического) взаимодействия, но и через социальные

сети, в частности в случае поддержания связей со странами происхождения (“этническими родинами”). Значительный вес в исследовании полиэтничности как *modus vivendi* приобретает *социолингвистика* с ее арсеналом структурированного освоения реальности (через общественную природу языка, его общественные функции, через способность формирования механизмов влияния на создание атмосферы межэтнического общения) и с ее возможностями выстраивания определенного рода канала трансформации окружающей информации (социальной, культурной, этнической) и выбора методов вербального реагирования на события, поступки, поведение носителей той или иной этничности. *Социология* обеспечивает системное представление о полиэтничности как социальном и этнокультурном конструкте и воспроизводит динамику взаимодействия его отдельных компонентов. *Психология*, акцентируя внимание на индивидуальных особенностях человека, формирует основы понимания поведения в процессе взаимодействия этнофоров и их влияния на позиционирование себя и совершение тех или иных действий со стороны этнически маркированных групп людей. Современные методики *менеджмента*, прежде всего этнического и культурного, делают возможными адекватный ситуации выбор из числа возможных и разработку новых моделей (*конструктов*) *modus vivendi* в полиэтническом социальном пространстве на национальном, региональном и локальном уровнях, включая этническую политику государства и соответствующее администрирование в конкретных социальных пространствах.

Структурирование дискурса

В этой части изложения прежде всего следует остановиться на вопросах, которые, собственно, структурируют дискурс: 1) выяснение сущности его ключевых понятий и терминов, в частности “полиэтничность”, “конструкт”, “*modus vivendi*”, и смежных с ними, а именно “этническая диверсификация”, “многокультурность (мультикультурность)” и т.п.; 2) формулировка основных тезисов дискуссии; 3) выбор методов и, в более широком смысле, перспектив (в отечественном опыте — подходов, парадигм) исследования явления.

“Полиэтничность”. Чтобы понять или по крайней мере очертить сущность этого многогранного феномена, следует вспомнить, что он укоренен в этничности, которая, безусловно, является зонтичным явлением, покрывает и вбирает в себя все нюансы, связанные с происхождением человека, особенности его взаимодействия с окружающим миром, которые базируются на этом происхождении¹. Пока что ограничусь несколькими общими констатациями, формулируя их на основании изучения значительного массива

¹ В концентрированном виде концепты этничности представлены в моей статье: *Евтух В.* Этничность в транснациональном социальном пространстве: дизайн исследовательского проекта // *Социология: теория, методы, маркетинг.* — 2013. — № 1. — С. 3–26. Они базируются на результатах исследований таких известных зарубежных ученых, как Фредерик Барт, Дениэл Белл, Майкл Бентон, Пьер ван ден Беруэ, Эрнест Геллнер, Натан Глейзер, Томас Эриксен, Йвон Лайт, Синиса Милисевич, Патрик Мойниген, Джон Рекс, Фред Риус, Энтони Смит, Валерий Тишков, Джошуа Фишман, Майкл Хехтер и др. Работы некоторых из упомянутых исследователей цитируются также в контексте анализа полиэтничности.

профессиональной литературы: 1) этничность является совокупностью качественных характеристик человека или группы людей, связанных с их происхождением. Элементы этих характеристик проявляются в быту, культуре, поведении, ментальности, подтверждая этническое происхождение человека и выделяя (“делая другим”) его среди себе подобных; 2) этничность является комплексным социокультурным феноменом: ее маркерами служат построенные на основе культурных элементов (а именно традиции, обычаи, одежда и украшения и т.п.) элементы, которые: а) тем или иным образом связывают его с социальной жизнью (язык, поведенческие образцы, участие в акциях в защиту своих прав); б) характеризуют его как само по себе социальное явление, в частности, когда речь идет о влиянии этничности на социальную стратификацию; в) образуют этничность как весомый фактор накопления социального и культурного капитала; 3) этничность в силу присущих ей качественных характеристик представляет собой очевидный маркер идентичности; 4) сегодня этничность выступает также мощным фактором политики, что соотносится с процессами ее политизации.

Все перечисленные характеристики этничности так или иначе связаны с трактованием этничности как этнокультурного и социокультурного конструкта. В большинстве случаев именно с такой перспективы я рассматривал этничность в своих предыдущих работах [Євтух, 2012, с. 104–107]. Более основательное ознакомление с исследованиями зарубежных коллег заставляет меня задумываться над значением биологических составляющих (детерминантов) этничности, поскольку генетические индексы играют если не определяющую, то по крайней мере очевидную роль в выделении этого феномена среди ему подобных. Несмотря на то, что многие положения биологической концепции этничности (этнической группы), сторонником которой является, в частности, известный канадский антрополог Майкл Биллингер [Billinger, 2007], требуют уточнения, она концентрирует внимание на тех аспектах феномена, которые нельзя раскрыть, оставаясь исключительно на платформе этнокультурной или социокультурной перспективы.

Процедура уточнения структурообразующих понятий нашего дискурса (полиэтничность, конструкт, *modus vivendi*) предполагает выяснение нескольких важных, на мой взгляд, элементов: 1) этимологии; 2) возможности контекстуальной реализации термина и релевантности его употребления в обозначенном дискурсе (то есть операционализации); 3) содержательного взаимодействия между собой и с другими терминами в рамках “рынка терминологии”¹.

¹ Термины “рынок терминологии”, “терминологическая инфраструктура” украинские исследователи практически не употребляют. По моему мнению, усвоение этих терминов является необходимым условием получения адекватного структурированного научного знания в любой области. Это связано с динамикой процесса терминообразования (в частности благодаря бурным социальным, политическим и культурным процессам), языковым разнообразием современного мира (с этим связаны точность или неточность передачи содержания термина в конкретной этнокультурной окружающей среде), широким диапазоном восприятия того или иного явления и реагирования на него со стороны носителей разной ментальности. Исследователи общественных процессов, в частности в европейском научном пространстве, интенсивно изучают и используют базы терминологических данных, посредством терминологических менеджерских систем

Итак: а) слово “полиэтничность” состоит из двух частей “поли” (как синоним употребляется “мульти, много”) и “этничность”. Основная смысловая нагрузка приходится на вторую часть слова, которая происходит от греческого “ethnos”, что означает “народ”, “племя”. Вместе эти два слова в буквальном смысле означают много этничностей (этнических групп, этнических сообществ), которые проживают вместе в пределах одной социальной структуры (общество) или политической структуры (государство). В такой интерпретации слово “полиэтничность” является термином, который воспроизводит реальность (социальную, этнокультурную) и прокладывает мостик к пониманию феномена современной общественной жизни многих стран мира. Замечу, что несмотря на привычность и инкорпорированность этого термина в исследовательскую практику, по крайней мере среди специалистов, изучающих феномен этничности, термин имеет не слишком продолжительную историю. С последним обстоятельством связаны ситуации, в которых в качестве синонима используются (либо как близкие по смыслу) термины “мультикультурность” (“многокультурность”), “этническая диверсификация”, “этническое разнообразие”, “культурный плюрализм”, “культурное многообразие”, “этнический плюрализм” [Brezovszky, 1999; Dacyl, 1995; Diversity and Cohesion, 2000; Ethnopluralism, s.a.; Grucza, 2001; Kanbur, 2009; Koopmans, 2013; Lie, 2004; Riggs, 1998; Rizvi, 1989]. Правда, западные специалисты все чаще начинают проводить содержательную (семантическую) границу между термином “полиэтничность” и перечисленными выше близкими по смыслу, например южноафриканский исследователь Корнель дю Тоа [Du Toit, 2004]. Что касается термина “конструкт”, то здесь меньше определенности (теоретической, практической) по сравнению с термином “полиэтничность”. Эта неопределенность связана прежде всего с тем, что попытка ввести его в компендиум терминов, которые призваны интерпретировать социальные явления, и шире, явления общественного бытия, служит примером поисков терминов и понятий, которые должны воспроизводить новые социальные феномены либо акцентировать внимание на динамических изменениях обычных для того или иного общества явлений. Здесь вполне можно согласиться с российским философом Владимиром Швыревым в том, что “понятие теоретического конструкта получило распространение в связи с осознанием в рамках стандартной концепции науки невозможности редукции теоретических терминов к терминам, фикси-

овладевают инструментарием проникновения в сущность известных (“старых”) терминов, в модификации их содержания под давлением новых обстоятельств, пытаются “идти в ногу” с быстрыми темпами терминообразования в ответ на изменения и общественные вызовы. В этом контексте важно подчеркнуть фундаментальную роль терминологии и процесса формирования терминологического продукта, функционирование баз данных, стремление к умелому использованию терминологического инструментария, участие исследователей в формировании терминологической политики, терминологической инфраструктуры, терминологических центров и служб (Christian G. The Terminology Market and the Terminology Infrastructures in Europe // Multikulturalitat und Multiethnizitat in Mittel-, Ost- und Sudosteuroopa / Ernst-Peter Brezovszky, Arnold Suppan, Elisabeth Vyslonzil (eds.). — Frankfurt am Main: Peter Lang, 1999. — P. 91–108). Так, используя термин “минирынок терминологии”, я подчеркиваю мое стремление участвовать в формировании компендиума терминов, относящихся к определенному в данной статье проблемному (исследовательскому) полю, а именно полиэтничности, по крайней мере путем уточнения их содержания.

рующим признаки, которые наблюдаются эмпирически. Термин “конструкт” в этом смысле оказался связанным с фиксацией так называемых данностей, которые не наблюдаются, по типу элементарных частиц в физике, структур химических соединений, генов в биологии, характерологических типов в психологии, типов общественных структур в социальном знании и т.п. В современной методологии науки, которая подчеркивает концептуально-теоретическую нагруженность опыта, понятие конструкта может быть применено и к терминам эмпирического пласта языка науки в той мере, в какой эти термины не просто фиксируют определенную наблюдаемую данность, но и предполагают определенный понятийный анализ (напр., индексы и индикаторы в эмпирических, социологических и психологических исследованиях)” [Швырев, s.a.]. Этой цитатой можно подтвердить справедливость моего призыва к специалистам, хотя бы из сферы моих научных интересов, к созданию рынка терминологии (путем введения новых терминов в научный оборот или уточнения интерпретаций уже имеющихся терминов)¹. Замечу, что в западных социальных науках употребление термина “конструкт” (“construct”) в предложенном выше значении не слишком распространено, чаще в очерченных мною контекстах применяют термин “концепт” (“concept”) [Concept, s.a.]. Выбрав для использования в этой статье термин “конструкт”, я прежде всего акцентирую внимание на двух моментах: 1) фиксация в социальной жизнедеятельности многих обществ современного мира такого сформированного (естественным путем) и в определенной мере сконструированного (целенаправленно) феномена, как “полиэтничность”; 2) широкие интерпретационные возможности термина для определения функциональной сущности одноименного явления и его взаимодействия с другими явлениями. Укоренившийся в дипломатии для обозначения неформальной договоренности между сторонами определенного противостояния термин “*modus vivendi*” (от латинского — *modus* — способ и *vivendi* — жить) в его модифицированном виде (*способ общежития, способ сосуществования*) релевантен в рамках данного исследования, поскольку практики сосуществования представителей разных этничностей в рамках одного этносоциального [Євтух, 2003: с. 110] или этнополитического организма [Євтух, 2003: с. 219], с одной стороны, адаптируются к условиям существования, а с другой — требуют определенных регулятивных активностей, непосредственными акторами которых становятся и сами этнофоры (носители той или иной этничности).

Проблемы к дискуссии

Рассмотрим проблемы, укорененные в процессах, которые определяют сущность феномена: 1) источники формирования полиэтничности и интенсивность ее распространения; 2) факторы мобильности компонентов, фор-

¹ С целью стимулирования формирования компендиума терминов и понятий по этнической проблематике мной учреждена online-энциклопедия, в основу которой положены термины и понятия, опубликованные в: *Євтух Володимир*. Етнічність: енциклопедичний довідник / Володимир Євтух. — К.: Фенікс, 2012. — 396 с. Энциклопедия структурирована таким образом: 1) термины и понятия; 2) исследовательские и этнокультурные центры; 3) персоналии; 4) литература по этнической проблематике. Подробнее см.: ethnoencyclopedia.info

мирующих полиэтничность; 3) факторы территориальной дистрибуции полиэтнических ареалов, анклавов и связанные с этим особенности формирования этнонациональной структуры на национальном, региональном и локальном уровнях; 4) факторы, определяющие *modus vivendi* и характер межэтнического взаимодействия (межэтническая толерантность, диалог, конфликтогенные ситуации); 5) трансформационные влияния на динамику полиэтничности и перспективы ее функционирования в условиях транснационального социального пространства (социальные сети, виртуализация пространства, потеря силового поля межгосударственных границ).

Источники формирования полиэтничности и интенсивность ее распространения. Среди представителей разных социальных наук практически не наблюдается расхождений в определении источников появления полиэтничности: она предстает как результат существования аборигенного (коренного местного) населения, иммиграции, завоевательных акций, послевоенного раздела территорий, развития торговли, межэтнических браков в пределах одной территориально-административной единицы [Polyethnicity, s.a.; Russel, 2013]. Я предлагаю рассматривать феномен полиэтничности на основании двух подходов: с перспективы территориально-пространственного ее размещения и с перспективы индивидуальных характеристик лиц, являющихся носителями (как одной, так и двух и более) разных этничностей. Когда речь идет о первой перспективе, то мы имеем дело с наличием на территории той или иной страны нескольких этнических сообществ, которые находятся здесь как коренное население, как иммигранты или вследствие территориального (после военных действий) раздела целостных территорий, завоевания территорий другими странами или развития торговли с образованием своеобразных анклавов этнического бизнеса. Западные исследователи, рассматривая полиэтничность, концентрируют внимание именно на этих источниках ее формирования [Ballard, Koormans, McNeill, Rizvi, s.a.]. Признаками полиэтничности в данном случае являются: наличие этнических ареалов, анклавов, общин, в которых сохраняются и культивируются этнические маркеры (элементы) страны происхождения — типы поселений, организация жизнедеятельности, иерархия отношений и т.п. С этой перспективы открываются лишь такие аспекты полиэтничности, как ее статистическая репрезентация и количественное соотношение разных компонентов этнонациональной структуры населения. Рассмотрение полиэтничности с предложенной мной новой перспективы (под углом зрения индивидуальных характеристик) позволяет проникнуть еще и в качественную ее суть, поскольку полиэтничность реализуется в процессе взаимодействия этнофоров, которые очень часто являются носителями не одной, а двух, а то и больше, этничностей. В этом случае мы имеем дело с теми качественными характеристиками полиэтничности, которые возникают в процессе необходимого взаимодействия с представителями других этнических сообществ в результате сложившихся индивидуальных обстоятельств (смешанные браки и т.п.) [Евтух, 2003: с. 162] и развития международных, в частности торговых, контактов. Маркерами полиэтничности на индивидуальном уровне являются: смешанный цвет кожи; форма лица, вбирающая в себя черты, присущие нескольким расам или этничностям; владение несколькими языками; культурные характеристики, свойственные нескольким этничностям; поливариантная этническая самоидентификация; поли-

ориентированное этническое поведение и т.п. Наряду с этим полиэтничность распознается там, где происходит взаимодействие нескольких этничностей — в пространствах общения: улицы, рынки, жилые кварталы (дома), транспорт, рабочие места, учебные заведения, молодежные центры, спортивные клубы, центры социального и культурного досуга и т.п. С этой точки зрения полиэтничность, согласно Бхавани Арабанди, — это проявление “способности и готовности индивидов идентифицировать себя с разными этничностями и разными идентичностями” [Arabandi, 2007: p. 3479]. В большой мере в силу этого факта я предлагаю рассматривать полиэтничность как *modus vivendi* (способ совместной жизни, способ сосуществования) представителей разных народов, носителей разнообразных культур и этничностей в пределах одного этносоциального или этнополитического организма.

По вопросам источников и распространения полиэтничности (особенно если нужно проследить их историческую траекторию) следует обращаться к работам уже упоминавшегося канадско-американского (поскольку он преподавал в Чикагском университете) историка Уильяма МакНейла, прежде всего к его труду “Полиэтничность и национальное единство в мировой истории” [McNeill, 1985], в которой собраны три лекции, прочитанные профессором в 1985 году в Торонтском университете, по проблемам полиэтничности. Тем самым было положено начало научной дискуссии по обозначенной проблематике: “Империя и нация до 1750 года”, “Триумф национализма, 1750–1920”, “Восстановление полиэтнической нормы после 1920 года”. Учитывая знаковость этой работы МакНейла для исследования полиэтничности и то, что ее до сих пор не анализировали в украинской социогуманитаристике, позволю себе детальнее остановиться на идеях, высказанных в ней автором. При этом я буду делать акцент на факторе полиэтничности. МакНейл считал, что “полиэтничность является нормальным явлением в цивилизованных обществах (с чем нельзя не согласиться. — В.Е.), тогда как идеал этнически однородного государства в истории был исключением и редко встречался в практике”. Появление полиэтничности объясняется рядом обстоятельств. Прежде всего речь идет о покорении одних племен (народов) другими и вовлечении их в общественные отношения своих общин. Вместе с тем распространение болезней, особенно в городах, и уменьшение населения в результате смертности требовали его замещения, что происходило за счет сельского населения или населения других этнических территорий. Происходило также формирование этнических анклавов с целью стимулирования развития торговли. Наконец, следует констатировать, что период объединения отдельных этнических сообществ на основе идеи самоопределения и образования национальных государств уступил место периоду “размывания” этнического единства вследствие притока в североамериканские и европейские страны выходцев из других частей мира. Страны все в большей степени становились полиэтничными. Вступая в дискуссию по поводу полиэтничности, американский специалист Джон Тентон подчеркнул: “Канадский и американский опыт показывает пример Северной Америке, как нужно привыкать к тому, чтобы жить бок о бок с людьми разного этнического происхождения. Европейцы только начинают поглядывать через Атлантику; между тем эта ситуация становится предметом публичной политики в отношении этнических меньшинств, и настанет время, когда этим придется заниматься практически” [Tanton, 1993]. В приведенной цитате внимание сосредоточено на иммиграции, которая для Соеди-

ненных Штатов Америки и Канады несколько столетий подряд была источником пополнения населения и формирования феномена полиэтничности, а начиная с 1960-х годов она стала играть существенную роль в общественном развитии и европейских стран. Сегодня никто не сомневается в том, что иммиграция является главным источником полиэтничности. По данным Департамента экономического и социального развития ООН, миграционная палитра мира на 2013 год имела следующий вид: 232 млн людей (3,2% всего населения мира) живут за границами своих стран (для сравнения: в 2000-м таких было 175 млн, а в 1990-м — 154 млн); развитые страны Севера дают приют 136 млн иммигрантов; доля трудоспособных (20–64 года) составляет 74% всех переселенцев; три четверти иммигрантов принимают страны Европы (72 млн) и Азии (71 млн); по уровню концентрации иммигрантов выделялись следующие десять стран: Соединенные Штаты Америки (45,8 млн), Россия (11,0 млн), Германия (9,8 млн), Саудовская Аравия (9,1 млн), Объединенные Арабские Эмираты (7,8 млн), Великобритания (7,8 млн), Франция (7,4 млн), Канада (7,3 млн), Австралия (6,5 млн), Испания (6,5 млн) [232 million, s.a.]. Обратим внимание на то, что практически все страны Европы (38), за исключением Ирландии, Люксембурга, Мальты и Португалии, являются полиэтничными: правда, в большинстве из них меньшинные сегменты составляют менее 20% населения страны, а в 11% европейских стран этот сегмент гораздо ощутимее (вплоть до 44% в Боснии и Герцеговине) [Wolff, s.a.].

Факторы мобильности компонентов, формирующих полиэтничность.

В научной литературе, касающейся проблем этничности (полиэтничность как явление социальной и этнокультурной жизни входит в исследовательское поле и практики этничности), дискутируют несколько важных факторов мобильности составляющих полиэтничности, среди них: 1) потребность высокоразвитых стран в рабочей силе, обычно малоквалифицированной, низкооплачиваемой, предназначенной для выполнения работ, которые не являются престижными для местного населения, сконцентрированной в так называемом вторичном секторе экономики [Евтух, 1987]; 2) излишек рабочей силы во многих странах с малоразвитыми технологиями и экономикой; 3) рост потребностей высокотехнологичных отраслей производства в определенном количестве высококвалифицированных работников, когда эти потребности нельзя удовлетворить имеющимися рабочими ресурсами (например, потребность в большом количестве специалистов по компьютерным технологиям в европейских странах); 4) стремление к объединению этнических семей; 5) политические преследования и репрессии в странах этнического происхождения; 6) вынужденная миграция вследствие военных действий, экологических катастроф и изменений климата.

Факторы территориальной дистрибуции полиэтничных ареалов, анклавов и связанные с этим особенности динамики этнонациональной структуры на национальном, региональном и локальном уровнях. Полиэтнические ареалы формировались преимущественно в результате поселения новоприбывших (как правило, внешних мигрантов; реже — перемещения внутренних мигрантов). Кстати, подобная тенденция утверждалась преимущественно с начала XX века, когда в странах иммиграции уже практически не было свободных территорий. К тому времени и в европейских, и в североамериканских странах иммигранты имели возможность селиться от-

дельно от других этничностей, образуя свои этнические анклав. Примерами этого стали, скажем, китайские кварталы (“чайна-тауны”) в Нью-Йорке и Сан-Франциско, итальянская деревня в Нью-Йорке, ареалы поселения выходцев из украинских земель в Нью-Йорке и Детройте (“украинские участки”). В этом случае полиэтничность реализовалась прежде всего в ее территориальном измерении, то есть на территории определенного государства возникали поселения с достаточно четко определенными этническими границами, или же на определенной территории формировалось доминирование той или иной этничности, что определяло характер жизнедеятельности тамошнего населения.

Нине ситуация меняется, особенно в европейских странах. В Соединенных Штатах, например, границы упомянутых этнических анклавов остаются заметными (очевидными), но сами анклавные все чаще становятся полиэтничными либо в результате переселения в них выходцев из других этнических сообществ с целью постоянного проживания, либо вследствие интенсивной посещаемости их с туристической целью или с целью приобретения товаров повседневного потребления и этнически маркированной продукции, для участия в этнических мероприятиях — фестивалях, выставках народного искусства и т.п. В европейских странах ситуация с поселением иммигрантов значительно отличается от ситуации в североамериканских странах, что, безусловно, отражается и на характере полиэтничности. С одной стороны, здесь обычно не фиксируются значительные ареалы автохтонного населения, которое по своим этнокультурным характеристикам отличается от подавляющего большинства того же автохтонного населения, что имеет место в Канаде и США (речь идет о туземном, аборигенном населении). С другой стороны, в европейских странах с интенсификацией переселения сюда выходцев из арабских и африканских стран (с середины 1960-х годов), а позже — с территорий бывших Югославии и Советского Союза возникали полиэтничные кварталы. Примерами таковых служат окраины городов Вены (Австрия) и Кельна (Германия). Что касается Кельна, правда, говорят о “турецких анклавах”, но они все больше становятся смешанными, когда если не в них, то как минимум в непосредственной близости селятся выходцы из других стран, в частности арабских. При таких условиях можно говорить о превалировании иного измерения полиэтничности, проявляющейся в процессах взаимодействия как между жителями смешанных кварталов, так и между последними и местным населением. Под этим термином предлагаю понимать население, которое не проживает в этих кварталах, но вследствие разных обстоятельств (спорадические посещения, производственная необходимость, участие в акциях, которые проводятся в этих кварталах) общается с их жителями. По моим выводам, базирующимся на анализе зарубежной литературы и включенном наблюдении во время пребывания в той или иной стране, это другое измерение, определяющими факторами которого являются индивидуальные характеристики (этнокультурные и ментальные черты), в силу значимости полиэтничности в общественном развитии страны играет гораздо большую роль, нежели факторы пространственного размещения (такие, как наличие на территории страны определенного количества этнических сообществ, кварталов, ареалов). Однако следует иметь в виду, что такое наличие является предпосылкой классификации страны как полиэтничной.

Пытаясь определиться с влиянием фактора полиэтничности, прежде всего характера дистрибуции, на динамику этнонациональной структуры населения на разных уровнях (национальном, региональном, локальном), нужно отметить, что на современном этапе наиболее заметно эта динамика прослеживается в крупных городах. Данная ситуация понятна, поскольку новейшие переселенцы направляются туда, где можно найти определенное занятие, работу и обеспечить себя, по крайней мере в начале своего пребывания в принимающей стране, минимальными средствами для налаживания жизнедеятельности. В этом смысле крупные города имеют значительные возможности и ресурсы. Характерной особенностью динамики этнонациональной структуры населения полиэтничных стран на национальном уровне является увеличение доли жителей иноэтничного происхождения, осуществляющееся за счет: а) уменьшения рождаемости среди титульных наций, сообществ местного происхождения, которые составляют основную массу населения; б) интенсивного притока выходцев из разных стран.

Аспекты проявления полиэтничности. В зарубежной, а в последнее время и в украинской профессиональной литературе дискутируется вопрос о влиянии полиэтничности на общественное развитие стран, в которых проживают выходцы из разных стран и разноэтничные сообщества местного населения. В этой дискуссии фиксируются два видения: 1) полиэтничность, в частности наличие иммигрантской рабочей силы, способствует развитию страны и формированию атмосферы толерантных отношений в обществе [Мустафаев, s.a.; Сальникова, s.a.; Brie, 2011; Rizvi, 1989; Tanton, 1993; Yevtukh, 2012]; 2) полиэтничность является источником вызовов в общественном развитии, она порождает напряженность и приводит к конфликтам на межэтнической (межнациональной) почве [Тарасов, s.a.; Diversity, 2000; Du Toit, 2004; Eck, 2009; Fish, 2004; Jakubowicz, s.a.; Kanbur, 2009]. Преобладает в этой дискуссии первое видение, которое подчеркивает тот момент, что полиэтничность обогащает социальный и культурный капитал благодаря экономической и этнокультурной деятельности этнических групп внутри страны проживания и укреплению связей между странами происхождения и странами проживания. Однако в связи с критическим осмыслением теоретических основ ассимиляции иноэтничного населения в странах их проживания (к примеру, в концепции “плавильного котла” в США, мультикультурализма в европейских странах) внимание акцентируется и на негативных проявлениях полиэтничности. В этом случае подчеркивается, что иммигранты, являющиеся сегодня главным источником полиэтничности, служат фактором напряженности и конфликтов между этнофорами и этническими сообществами, особенно в условиях ухудшения экономической ситуации и обострения отношений между принимающими странами и странами исхода иммигрантов. Так, американский исследователь (кстати, в свое время он иммигрировал в США) Питер Бримеллоу, открывая своей статьей “Существует ли нация-государство?” дискуссию о будущем наций, утверждает, что “иммиграция является потенциально более угрожающей общественному порядку, нежели мы осознаем” [Brimelow, s.a.]. Действительно, деление по этнической линии в полиэтничном обществе становится более заметным вследствие конкуренции за экономические, социальные и политические ниши. Эта конкуренция сопровождается распространением негативных этнических стереотипов и углублением нетерпимости в отношениях между носителями разных этно-

культурных традиций и предпочтений. Нередко кульминацией такой ситуации становятся конфликты, особенно когда речь идет о территориальных претензиях или о стремлении определенной доли тех или иных этнофоров к сепаратизму или присоединению к другим этнополитическим организациям на основании определенного этнического родства. Характер и сила проявления той или иной тенденции зависит от действия совокупности разного рода объективных и субъективных факторов, и — что чрезвычайно важно — оценивать адекватность этих тенденций следует в конкретном социальном контексте [Kanbur, 2009: p. 16].

Факторы, определяющие *modus vivendi* и характер межэтничного взаимодействия. В этом контексте едва ли не самым важным является осознание состояния восприятия “инаковости” в обществе и оценка влияния на формирование этого восприятия разнообразных факторов [Сорока, 2012; Dervin, s.a.]. Прежде всего необходимо обращать внимание на уровень участия “других” в формировании состава населения в прошлом и на нынешнем этапе; на государственную, региональную и местную политику (позицию) в отношении существующих компонентов структуры населения и тех, кто недавно прибыл и прибывает на проживание в стране (в частности, иммиграционного законодательства, специальных программ, стимулирующих интеграцию прибывающих в новое общество и его структуры, мультикультурализма, а также ассимиляционистских концепций и доктрин); на культурную мобильность этнически диверсифицированных новоприбывших и “заметных меньшинств”; на качество окружающей среды для формирования межэтничной толерантности и т.п. Обратимся к имеющимся исследованиям украинских и зарубежных авторов, чтобы акцентировать внимание на возможных траекториях динамики влияния тех или иных факторов на межэтничное взаимодействие и формирование *modus vivendi*. Наиболее пригодными в этом случае являются результаты Европейского социального исследования.

Прежде всего обращусь к ответам на вопросы в рамках данного исследования, которые позволяют установить уровень восприятия “инаковости” населением разных европейских стран (для ранжирования выбираю страны, где фактор полиэтничности играет ощутимую роль: Австрия, Бельгия, Великобритания, Испания, Нидерланды, Германия, Франция, Швеция; в этот перечень также включаю Украину, что обозначает ее место в сообществе европейских стран).

1. *Как Вы считаете, то, что люди из других стран переезжают жить в Украину (в другую страну), это в целом хорошо или плохо влияет на экономику страны?* (Шкала измерения: 0 — плохо для экономики, 10 — хорошо для экономики). Ответы на этот вопрос давали для каждой из упомянутых выше стран в целом следующую картину на 2011 год: 5,22 (2007 год); 4,53; 4,67; 4,97; 5,19; 5,23; 4,72; 5,95; 4,43 соответственно; средний балл “4,99” [Головаха, 2012: с. 106].

2. *Как Вы считаете, приток людей из других стран в целом разрушает или обогащает культурную жизнь?* Состояние таково: 4,80 (2007 год); 5,52; 4,95; 5,91; 6,13; 5,79; 5,23; 7,16; 4,47; средний балл “5,55” [Головаха, 2012: с. 107].

Еще больше возможностей проникнуть в суть процесса формирования настроенности на восприятие “инаковости” предоставляют результаты ответов на следующие два вопроса, которые предполагают пять градаций отношения к “другим”.

1. *В какой мере, по Вашему мнению, следует разрешать переезжать в Вашу страну людям той же расы или национальности, что и большинство?* (Варианты ответа: следует разрешать многим таким людям переезжать в страну; следует разрешать некоторым таким людям; следует разрешать лишь немногим таким людям; не следует разрешать никому; не знаю). Мнение жителей выбранных мной стран структурировалось следующим образом: Австрия — 17,6; 47,0; 26,0; 4,7; 4,2; Бельгия — 16,1; 53,1; 21,7; 8,7; 0,4; Великобритания — 10,9; 46,9; 27,7; 11,2; 3,3; Испания — 15,8; 36,3; 32,8; 11,3; 2,5; Нидерланды — 11,6; 53,0; 27,7; 5,6; 1,5; Германия — 29,5; 47,2; 16,4; 3,7; 3,1; Франция — 11,6; 52,1; 28,4; 6,3; 1,2; Швеция — 38,4; 52,6; 6,1; 0,9; 1,1; Украина — 46,3; 28,0; 12,0; 6,6; 6,6 [Головаха, 2012: с.109].

2. *В какой мере, по Вашему мнению, следует разрешать переезжать в Вашу страну людям, которые по национальности или расовой принадлежности отличаются от большинства населения страны?* (Варианты ответа: следует разрешать многим таким людям переезжать в страну; следует разрешать некоторым таким людям; следует разрешать лишь немногим таким людям; не следует разрешать никому; не знаю). Хотелось бы обратить внимание на то, что обработка ответов на этот вопрос открывает путь к глубинному пониманию восприятия “инаковости” и переходу к определению социальной дистанцированности (в сочетании с применением шкалы Богардуса) в восприятии и отношениях между представителями разных этнических сообществ. Последнее позволяет определить параметры проксимы [Kopytowska, 2014] — наиболее комфортного расстояния (социального, этнокультурного, этнопсихологического) для общения (взаимодействия) выходцев из разных стран и представителей разных этничностей в пределах одного этносоциального или этнополитического организма. Итак, жители европейских стран следующим образом высказываются в плане допуска в их страну этнофоров, которые по своей национальности или расе отличаются от большинства населения страны въезда: Австрия — 8,8; 33,6; 40,2; 11,5; 5,2; Бельгия — 8,6; 44,4; 31,3; 15,0; 0,8; Великобритания — 7,8; 35,3; 33,3; 20,8; 2,8; Испания — 14,3; 32,6; 35,5; 13,5; 2,6; Нидерланды — 8,7; 42,7; 33,4; 12,6; 1,9; Германия — 14,0; 42,9; 30,2; 9,2; 3,6; Франция — 8,4; 37,1; 39,7; 13,0; 1,4; Швеция — 33,8; 52,0; 10,4; 2,1; 1,2; Украина — 17,3; 23,6; 24,8; 22,5; 11,0 [Головаха, 2012: с. 111].

Не вдаваясь в детали и специфику формирования восприятия “инаковости” в каждой стране и не останавливаясь на сопоставлении уровней толерантности в разных странах (такую задачу я буду решать в следующих своих исследованиях), попробую сделать наиболее очевидные обобщения: 1) жители стран, о которых идет речь в анализе, вообще достаточно сдержанно оценивают роль новоприбывших в социоэкономическом и культурном развитии их стран (средний балл находится на границе пяти); 2) эти жители очень радушно открывали бы двери своих стран для чужестранцев; они хотели бы, чтобы на поселение прибывало не слишком много “других”; при этом они отдавали бы предпочтение в плане въезда в их страну представителям той национальности и расы, что и большинство населения принимающей страны; 3) значительная доля населения европейских стран склонна отвечать отказом во въезде в свою страну выходцам из других стран, особенно других рас и национальностей, чем большинство населения. Российская исследовательница А.Сальникова, размышляя о многокультурности на Среднем Поволжье, нашла, на мой взгляд, точный термин для обозначения этого явления: “(де)стабилизирующий фактор социального развития” [Сальни-

кова, s.a.]. Можно согласиться с утверждениями (опираясь на исследовательский опыт и накопленные знания), что более позитивные установки в отношении восприятия “инаковости” наблюдаются в тех странах, где представители разных стран и культур имеют длительную историю совместного проживания, а их социетальная интеграция и участие в политико-общественной жизни имеют прочные традиции, что дает им возможность пользоваться всеми правами граждан страны проживания [European Social Survey, 2013]. Когда же возникает ощущение неприятия или реальной дискриминации по происхождению, цвету кожи и т.п., то сразу образуется конфликтно-напряженная атмосфера, которая может перерасти в столкновения, конфликты, локальные войны (примером такой ситуации были недавние волнения в предместьях Парижа).

В дилемме полиэтничности как вызова обществу или блага для него важную роль играет политика государств и администрирования местных властей. В первом случае прежде всего речь идет о правовой базе по регулированию иммиграционных процессов и отношений между этническими сообществами, а во втором — о конкретных инициативах властных структур на региональном и местном уровнях. Рассматривая первое и второе в пределах североамериканских и европейских стран, можно сделать несколько выводов: 1) иммиграционная политика полиэтничных государств (на этом я делаю ударение, поскольку иммигранты в течение продолжительного времени остаются основным источником формирования полиэтничности) главным образом отличалась стабильностью и способствовала въезду иммигрантов в эти страны. Правда, время от времени Соединенные Штаты и Канада прибегали к рестрикционистским мерам в своей иммиграционной политике [Свтух, 1979], вводили квотную и балльную системы отбора иммигрантов, формулировали циркуляры (Канада), которые предостерегали их от контактов с этнической родиной. Более жесткой в последние годы стала иммиграционная политика и в европейских странах. Вместе с тем правительства этих стран немало делали для интеграции выходцев из других стран в общество проживания. В этом контексте следует вспомнить так называемые Программы позитивных действий, по которым предоставлялись льготы для содействия социальной мобильности иноэтничного населения в США, Канаде, например для дополнительного обеспечения рабочими местами в определенных сферах жизнедеятельности, и льготы при поступлении в университеты. Это касается и внедрения программ билингвизма в американских школах и активности по сохранению этнического наследия в Канаде. На аналогичные цели направлены также Акт о сохранении и развитии мультикультурализма в Канаде и программы двойного обучения для детей турецких иммигрантов в Германии, предусматривавшие мероприятия как по интеграции их в общество проживания, так и по сохранению этнического языка и традиций, что должно облегчать их реинтеграцию в случае возвращения в Турцию. Наконец, напомним о локальных программах, например в Вене, которые стимулируют развитие этнического бизнеса [Ethnic Entrepreneurship, 2011: p. 45–68].

Таким образом, приходим к выводу: иммигрантам и выходцам из других стран в североамериканских и европейских странах создавались условия для их интеграции и они не подвергались массовой дискриминации. Об этом свидетельствуют данные упоминавшегося выше социального исследования. Так, по цвету кожи и национальности (этнической принадлежности) дискриминацию ощущали в Австрии всего 0,4% опрошенных (2007), в

Бельгии (2011), соответственно, — 1,1% и 0,3%, в Великобритании — 2,6% и 0,7%, в Испании — 1,0% и 0,2%, в Нидерландах — 1,1% и 1,0%, в Германии — 0,4% и 0,8%, во Франции — 1,6% и 0,9%, в Швеции — 0,3% и 0,7%, в Украине — 0,3% [Головаха, 2012: с. 103]. Такое состояние следует трактовать как благоприятное для существования и перспектив развития полиэтничности. Правда, в последние годы участились симптомы враждебного отношения к “инаковости” и действия, направленные на запрет въезда иммигрантов, в частности из арабских и африканских стран. Это характерно для праворадикальных сил и партий в Австрии, Германии, Франции. В свое время белые англосаксонские протестанты в США (прежде всего американцы английского происхождения) разворачивали активные выступления против допуска в страну выходцев из других стран, особенно “заметных меньшинств”. Сегодня в Соединенных Штатах Америки кое-где сохраняется, а то и усиливается тенденция “анклавизации” (я бы сказал, “латиноамериканизации” или “афроамериканизации”) некоторых районов крупных городов (скажем, в Детройте). Это происходит не только вследствие притока сюда таких этнофоров, но и в ходе оттока белого населения, нежелающего такого соседства.

Приведенные мной данные (а их можно дополнить из других статистических источников и профессиональной литературы) склоняют меня к предварительному выводу о том, что в странах, в частности, Северной Америки и Европы с этнически диверсифицированным населением сохраняется благоприятная социоэкономическая и этнокультурная атмосфера для существования феномена полиэтничности, перспектив его конструирования в качестве позитивного фактора развития этих стран, поскольку на данную тенденцию работают два мощных фактора: весь мир интенсивно этнически диверсифицируется и совершенствуется этнополитический менеджмент (по крайней мере, так должно быть) [Евтух, 2012: с. 204–205; Why Ethnic Marketing, 2014]. В современном менеджменте в сфере этнонационального развития одной из важнейших дилемм является поиск оптимального соотношения практики мультикультурных и интеграционистских концепций в повседневной жизни полиэтничных обществ. Эта проблема актуализируется в первую очередь через мнение, формирующееся как в научных кругах, так и среди практиков, согласно которому мультикультурализм исчерпал себя или, как минимум, не сработал эффективно. Сегодня все чаще звучат голоса в пользу интеграционистских подходов в толковании полиэтничного измерения общественного развития. Примером в этом контексте может быть Австралия, где “интеграция” возвращается как идеология политики по отношению к поселению иммигрантов в Австралии. Австралийское интеграционистское будущее четко связано с признанием культурного разнообразия, подчиненным приоритетам социального единства [Jakubowicz, s.a.]. Кое-кто из украинских авторов, не будучи специалистом по этнокультурной проблематике, безапелляционно заявляет о кризисе мультикультурализма (см.: [Погребинский, 2013]), не задумываясь о необходимости провести водораздел между концептуально-теоретическим конструктом “мультикультурализм” и социальным конструктом (реальным феноменом). В первом случае действительно можно говорить о насущной необходимости поиска новых базовых основ построения теоретических моделей мультикультурализма; во втором — следует подчеркнуть, что как социальное явление мультикультурализм не исчезает, он остается одним из характерных признаков современных обществ. Собственно, его содержание

и восприятие изменяются с течением времени и под давлением обстоятельств [Katheleen, 2014]. Примеры адекватных подходов к оценке мультикультурализма как составляющей полиэтничности предлагает специальный проект Королевского университета (Канада) “Индекс мультикультурной политики”, нацеленный на обеспечение информацией о политике мультикультурализма по стандартизированному формату, что способствует сравнительным исследованиям и делает понятными отношения между государством и меньшинством [The Multicultural Policy Index, s.a.]. Здесь применяются дифференцированные подходы к измерению мультикультурности, отслеживаемой по трем кластерам (типам меньшинств): иммигрантские группы; исторические национальные меньшинства; туземное население. Для эффективности политики многокультурности в отношении иммигрантов предлагается использовать восемь показателей, для национальных меньшинств — шесть, для туземного (аборигенного) населения — девять. Это позволяет выстраивать профессиональную матрицу реального состояния функционирования мультикультурализма и определения факторов, влияющих на его роль в общественном развитии разных стран. Среди таковых в последнее время растет весомость функционирования этнически маркированных социальных сетей, что влияет на формирование новой среды функционирования полиэтничности, а это, в свою очередь, ведет к переформатированию социального пространства, которое все в большей степени становится транснациональным [Евтух, 2013: с. 10–14].

Трансформационные влияния на динамику полиэтничности и перспективы ее функционирования в условиях транснационального социального пространства. Исследователи подчеркивают, что в современных реалиях иммигранты, которые, как отмечалось выше, являются основным источником полиэтничности, все чаще становятся активными субъектами процессов как в странах поселения, так и в странах происхождения. Они не разрывают связей со своей родиной; более того, они постоянно их поддерживают и разнообразят формы контактов со странами исхода. Таким образом они создают транснациональное социальное пространство, в котором формируются своеобразные идентичности, вбирающие в себя черты как страны проживания, так и страны происхождения. Иммигранты XXI века, по словам Пегги Левит, принадлежат одновременно к двум обществам [Levitt, 2005], поскольку, с одной стороны, они уже инкорпорированы (или стремятся к этому) в повседневную жизнь страны проживания, а с другой — поддерживают контакты с родиной через этнические организации, переводят родным деньги, пересылают товары, на которые есть спрос в стране выхода, а следовательно, в той или иной мере влияют там на определенные аспекты общественных процессов. Для определения такого типа иммигрантов в западной профессиональной литературе используется термин “трансмигранты” [Markley, s.a.], который, по моему мнению, адекватно воспроизводит сущность этого феномена. Одной из наиболее очевидных характерных особенностей в данном контексте становится поддержка этничности в стране проживания через Интернет-технологии. Речь, прежде всего, идет о возможностях взаимодействия выходцев из той или иной страны. Скажем, сегодня не обязательно проживать в определенном китайском ареале, чтобы производить и сбывать этнически маркированную продукцию, на которую имеется спрос на американском рынке. Ее (к тому же в большем ассортименте) можно заказать через Интернет. Кстати, это уже довольно долго практикуется в этническом бизнесе.

П.Левит, исследуя природу транснациональных общин и трансмигрантов, обращает внимание на те моменты, которые обеспечивают их функционирование и, я бы добавил, перспективу постоянного существования именно такого типа общин как фактора полиэтничности: 1) возможности легкого передвижения и коммуникации; 2) усиление роли мигрантов в экономике стран исхода; 3) усилия государств-доноров для легитимации оказания помощи мигрантам и их детям; 4) усиление роли стран-реципиентов в экономическом и политическом будущем стран-доноров; 5) социальная и политическая маргинализация мигрантов в стране-реципиенте; 6) роль миграции в формировании идеологической атмосферы, в которой предпочтение отдается плюрализму перед ассимиляционистскими концепциями вроде “плавильного котла” [Levitt, 1999]. Перемещение полиэтничности в социальные сети и в поле Интернет-технологий будет обуславливать, по моему мнению, ее глобализацию. Исследование этих процессов должно стать благодатным объектом этносоциологических поисков ученых в ближайшей перспективе.

Выводы

Анализ наиболее существенных аспектов феномена полиэтничности дает основания сделать несколько предварительных выводов, касающихся выдвинутого мной утверждения о том, что полиэтничность составляет *modus vivendi* представителей разного типа этнических сообществ, которые проживают в пределах одного этнополитического или этносоциального организма: 1) ныне полиэтничность — это данность, сформировавшаяся в ходе исторического развития многих стран мира, прежде всего связанного с перемещением выходцев из разных народов в определенное (выбранное) место проживания за пределами своей страны; 2) необходимость налаживания жизнедеятельности на новом месте заставляет новоприбывших взаимодействовать с себе подобными, с локальным (аборигенным, туземным) населением и с теми, кто поселился здесь раньше; 3) взаимодействие требует взаимной адаптации (“приспособления”) к нормам поведения и ценностям друг друга, что ведет к гибридизации этнических идентичностей; 4) в новых условиях коммуникаций трансформируется содержание связей со страной происхождения, которые остаются весомым фактором сохранения своей этничности в условиях иноэтничного окружения, но приобретают отличные от предыдущих периодов формы (речь идет, в частности, о формировании транснациональных общин); 5) современные коммуникационные технологии, рациональные менеджерские действия властных структур, интересы бизнес-кругов обществ-реципиентов, активность общественных движений позволяют направлять миграционные процессы и межэтническое взаимодействие, конструируя атмосферу полиэтничности так, что сегодня полиэтничность все больше превращается в социокультурный конструкт, призванный играть важную роль в этнически диверсифицированных обществах, способствуя социальной сплоченности и целостности этнополитических организмов.

Источники

Головаха Є. Тенденції соціальних змін в Україні та Європі: за результатами Європейського соціального дослідження. 2005–2007–2009–2011 / Євген Головаха, Андрій Горбачик. — К. : Інститут соціології НАН України, 2012. — 119 с.

Євтух В.Б. Буржуазная концепция сегментированного характера рынка труда в полиэтнических странах / В.Б. Евтух // *Зарубежный мир: социально-политические и экономические проблемы*; вып. 13. — К.: Наук. думка, 1987. — С. 18–26.

Євтух В.Б. Етносоціологія: довідник / Євтух В.Б. — К.: Вид-во НПУ імені М.П. Драгоманова, 2011. — 205 с.

Євтух В.Б. Етносоціологія: терміни та поняття: навч. посіб. / [В.Б. Євтух, В.П. Трошинський, К.Ю. Галушко та ін.]. — К.: Вид-во УАННП “Фенікс”, 2003. — 280 с.

Євтух В.Б. Рестрикціонізм в імміграційній політиці уряду США і Канади / В.Б. Євтух // *Історичні дослідження. Історія зарубіжних країн*; вип. 5. — К.: Наук. думка, 1979. — С. 84–92.

Євтух В. Етнічність: енцикл. довідник / Євтух Володимир. — К.: Фенікс, 2012. — 396 с.

Євтух В. Етнічність у транснаціональному соціальному просторі: дизайн дослідницького проекту / Володимир Євтух // *Соціологія: теорія, методи, маркетинг*. — 2013. — № 1. — С. 3–26.

Кимлічка В. Лібералізм і права меншин / Вілл Кимлічка. — Х.: Центр освітніх ініціатив, 2001. — 176 с.

Коваль В. “Полиетнічність” як об’єкт державного управління: теоретичний та історичний аспекти: Автореф. дис. ... канд. наук з держ. упр. / Володимир Коваль. — Одеса: Б.в., 2013. — 111 с.

Корек Я. Полиетнічність, багатомовність і культурне розмаїття в дискурсах польської й української інтелігенції після 1945 р. / Януш Корек // *Проблеми слов’янознавства*. — 2004. — Вип. 54. — С. 20–25.

Мустафаєв Н. Полиетнічність как фактор развития [Электронный ресурс] / Нуртай Мустафаєв. — Режим доступа: www.zonakz.net/article/28951 (s.a.).

Погребинский М.Б. Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики / М.Б. Погребинский; А.К. Толпыго (ред.). — М.: Весь Мир, 2013. — 400 с.

Сальникова А.А. Мультикультурность российского региона как (де)стабилизирующий фактор социального развития (Среднее Поволжье XIX – начала XXI вв.) (аналитический обзор) [Электронный ресурс] / А.А. Сальникова. — Режим доступа: <http://www.vestnykeps.ru/0413/42.htm> (s.a.).

Сорока Ю. Свої, чужі, різні: соціокультурна перспектива сприйняття іншого / Ю. Сорока. — Х.: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2012. — 332 с.

Тарасов И.Н. Проблема полиэтничности в Центральной Европе [Электронный ресурс] / И.Н. Тарасов. — Режим доступа: <http://psiobook.com/philosophy/problema-polietnichnosti-v-tsentraln...> (s.a.).

Тишков В.А. Единство в многообразии: публикации из журнала “Этнопанорама” 1999–2011 гг. / В.А. Тишков. — 2-е изд., перераб. и доп. — Оренбург: Издат. центр ОГАУ, 2011. — 232 с.

Швырев В.С. Конструкт // Новая Философская энциклопедия [Электронный ресурс] / В.С. Швырев. — Режим доступа: <http://iph.ras.ru/elib/1489/html> (s.a.).

Arabandi Bhavani. Polyethnicity / Bhavani Arabandi // *Blackwell Encyclopedia of Sociology* / George Ritzer (ed.). — Malden, Oxford, Victoria: Blackwell Publishing, 2007. — XCIII + 5658 p.

Ballard R. Polyethnic Britain: A Comparative and Historical Perspective [Electronic Resource] / Roger Ballard. — Mode of access: <http://archive.ub.uni-heidelberg.de/savifadok/285/1/britain.pdf> (s.a.).

Bang P. Imperial Ecumene and Polyethnicity [Electronic Resource] / Peter Fibiger Bang // *The Oxford Handbook of Roman Studies*, 2012. — Mode of access: <http://oxfordindex.oup.com/viv/10.1093/oxfordhd/9780199211524.013.0043> (s.a.).

Billinger M. Another Look at Ethnicity as a Biological Concept: Moving Anthropology Beyond the Race Concept / Michael Billinger // *Critique of Anthropology*. — 2007. — Vol. 27, № 1. — P. 5–35.

Bourdieu P. The Forms of Capital / Pierre Bourdieu // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / J.E. Richardson (ed.). — N. Y. : Greenwood, 1986. — P. 241–258.

Brezovszky E.-P. Multikulturalität und Multiethnizität in Mittel-, Ost- und Südosteuropa / Ernst-Peter Brezovszky, Arnold Suppan, Elisabeth Vyslonzil (eds.). — Frankfurt am Main : Peter Lang, 1999. — 342 p.

Brie M. Ethnicity, Confession and Intercultural Dialogue in the European Border Space / Mircea Brie // Ethnicity, Confession and Intercultural Dialogue at the European Union's East Border / Mircea Brie, Ioan Horga, Sorin Şpoş (eds.). — Debrecen ; Oradea : University of Oradea (Romania), 2011. — P. 11–18.

Brimelow P. Does the Nation-State Exist? [Electronic Resource] / Peter Brimelow. — Mode of access : http://www.thesocialcontract.com/artman2/publish/tsc0304/article_280.shtml (s.a.).

Chalifoux J.-J. State and Polyethnicity: Between Volksgeist and Social Contract / Jean-Jasques Chalifoux // Reviews in Anthropology. — 1992. — Vol. 20. — Issue 4. — P. 265–273.

Concept [Electronic Resource] / From Wikipedia, the Free Encyclopedia. — Mode of access : <http://en.wikipedia.org/wiki/Concept> (s.a.).

Dervin F. Cultural Identity, Representation and Othering [Electronic Resource] / Fred Dervin. — Mode of access : <http://users.utu.fi/freder/dervinhandbookcorrect.pdf> (s.a.).

Diversity and Cohesion: New Challenges for the Integration of Immigrants and Minorities. Prepared for the Council of Europe by Jan Niessen Director of the Migration Policy Group in Co-operation with the European Cultural Foundation. — Strasbourg : Council of Europe Publishing, 2000. — 120 p.

Du Noit C. Diversity in a Multicultural and Polyethnic World: Challenges and Responses / Cornel du Toit // Verbum et Ecclesia. — 2004. — Jrg. 25, № 2. — P. 442–459.

Dyczewski L. The New Structure of the Intensification of the Cultures' Mobility / Leon Dyczewski // Politeja. Jagiellonian Cultural Studies 1. — 2012. — № 2/1 (20/1). — P. 39–47.

Eck K. From Armed Conflict to War: Ethnic Mobilization and Conflict Intensification / Kristine Eck // International Studies Quarterly. — 2009. — Vol. 53. — P. 369–388.

Ethnic Entrepreneurship. Case Study: Vienna (Austria). — European Foundation for the Improvement of Living and Working Condition, 2011. — 87 p.

Ethnopluralism [Electronic Resource] / From Wikipedia, the Free Encyclopedia. — Modus of access : <http://en.wikipedia.org/wiki/Ethnopluralism> (s.a.).

Extra Guus. Dealing with New Multilingualism in Europe. Immigrant Minority Languages at Home and at School / Guus Extra // Australian Review of Applied Linguistics. — 2007. — Vol. 30, № 2. — P. 18.1–18.38.

Guus E. Urban Multilingualism in Europe. Immigrant Minority Languages at Home and School / Guus Extra, Kutlay Yağmur (eds.). — Multilingual Matters, 2004. — 428 p.

Fish S. Does Diversity Hurt Democracy? / Fish Steven, Brooks Robin // Journal of Democracy. — 2004. — Vol. 15, № 1. — P. 154–166.

Franciszek G. von. Multiethnizität und Inkulturalität. Geschichte, Erfahrung, Berichte, Lösungen. Dokumentation einer wissenschaftlichen Summerschool 18-22 September 2000. — Wien, Warschau : 2001. — 288 S.

Hoyos K. Canadian Multiculturalism, Same as it ever Was? / Katheleen Hoyos // Coolabah. — 2014. — № 13. — P. 33–41.

Jakubowicz A. The Risk of Diversity: The Meaning of Integration in Australian Political Culture [Electronic Resource] / Andrew Jakubowicz. — Mode of access : http://andrewjakubowicz.com/publications/integrationfutures_risk/ (s.a.).

Jones Siân. The Archeology of Ethnicity. Constructing Identities in the Past and Present / Siân Jones. — The Taylor & Frances e-Library, 2003. — 195 p.

Kanbur R. Ethnic Diversity and Ethnic Strife. An Interdisciplinary Perspective [Electronic Resource] / Ravi Kanbur, Prem Kumar Rajaram, Ashutosh Varshney. — 2009. — 41 p. — Modus of access : <http://kanbur.dyson.cornell.edu/papers/EthnicitySymposiumOverview.pdf>.

Koopmans R. Multiculturalism and Immigration: A Contested Field in Cross-National Comparison / Ruud Koopmans // *Annual Review of Sociology*. — 2013. — Vol. 39. — P. 147–169.

Kopytowska M. Proximizing the Other: Radical Discourses Online / Monika Kopytowska // *Political Linguistics III*, 8–10 May, 2014, Warsaw : Book of Abstracts / ed. by Monika Kopytowska & Łukasz Kumiga. — University of Łódź, University of Warsaw in cooperation with University of Nottingham, 2014. — 96 p.

Levitt P. Social Remittances — Culture as a Development Tool. 2005 [Electronic Resource] / P. Levitt. — Mode of access : <http://idbdocs.iadb.org/wsdocs/getdocument.aspx?docnum=561717>.

Levitt P. Towards an Understanding of Transnational Community Forms and Their Impact on Immigrant Incorporation. 1999 [Electronic Resource] / Peggy Levitt. — Mode of access : https://migration.ucdavis.edu/rs/more.php?id=47_0_3_0 (s.a.).

Lie J. Multiethnic Japan / John Lie. — Cambridge: Harvard University Press, 2004. — 272 p. Management of Cultural Pluralism in Europe / Janina Dacyl (ed.). — 1995. — 474 p.

Markley E. Social Remittances and Social Capital: Values and Practices of Transnational Social Space [Electronic Resource] / Eliza Markley. — Mode of access : <http://www.revistacalitateavientii.ro/2011/CV-4-2011/02.pdf>.

McNamara L. 'Equality Before the Law' in Polyethnic Societies: the Construction of Normative Criminal Law Standards [Electronic Resource] / Luke McNamara. — Mode of access : <http://ro.uow.edu.au/cgi/viewcontent.cgi?article=1008&content=lawpapers> (s.a.).

McNeill W.H. Polyethnicity and National Unity in World History / William McNeill. — Toronto : University of Toronto Press, 1985. — 85 p.

Polyethnicity [Electronic Resource] / From Wikipedia, the Free Encyclopedia. — Mode of access : <http://en.wikipedia.org/wiki/Polyethnicity> (s.a.).

Riggs F. The Modernity of Ethnic Identity and Conflict / Fred Riggs // *International Political Science Review*. — 1998. — Vol. 19, № 3. — P. 269–288.

Rizvi F. Multiculturalism: Making Policy for a Polyethnic Society / Fazal Rizvi. — Deakin University, 1989. — 200 p.

Russel J. Polyethnicity / Jesse Russel, Ronald Cohn. — Book On Demand Ltd., 2013. — 146 p.

Szarka L. A Polyethnic Region in East-Central Europe. Studies in the History of Upper Hungary / Laszlo Szarka. — N.Y. : Columbia University Press, 2012. — 550 p.

Tanton J. An Historian Looks at Polyethnicity // *Social Contract Journal Issues*. — 1993. — Summer. — Vol. 3, № 4.

The European Social Survey [Electronic Resource]. — 2013. — Mode of access : <http://www.unige.ch/ses/sococ/cl/edoc/data.ess.html> (s.a.).

The Multicultural Policy Index [Electronic Resource]. — Mode of access : <http://www.queensu.ca/mep/> (s.a.).

Tishkov V. Multiethnicity in Russia in a Global Context [Electronic Resource] / Valery Tishkov. — Mode of access : <http://valdaiclub.com/culture/66501.html> (s.a.).

Westin Charles (ed.) Identity Processes and Dynamics in Multi-Ethnic Europe (IMISCOE Research) / Charles Westin. — Amsterdam : Amsterdam University Press, 2014. — 382 p.

Why Ethnic Marketing? [Electronic Resource] / Manifold Data Mining Inc. — 2014. — Sunday February 16. — Mode of access : <http://www.manifolddatamining.com/html/products/ethnicmarketing.htm> (s.a.).

Wolff S. Ethnic Minorities in Europe: The Basic Facts [Electronic Resource] / Stefan Wolff. — Mode of access : www.stefanwolff.com/files/min-eu.pdf (s.a.).

Yevtukh V. Intercultural Dialogue: Efficient Construct of the Integretive Development of Polyethnic Societies / Volodymyr Yevtukh // *Politeja. Jagielonian Cultural Studies* 1. — 2012. — № 2/1 (20/1). — P. 111–131.

232 Million International Migrants Living Abroad Worldwide — New UN Global Migration Statistics Reveal [Electronic Resource]. — Mode of access : <http://esa.un.org/unmigration/wallchart2013.htm> (s.a.).